

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22
УДК 327(045)

Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой

А.Н. Зубец

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что современный западный мир стоит перед крайне важной развилкой, означающей выбор дальнейшего пути и идеологии развития, а также новой системы ценностей и общественной мотивации. Автор указывает, что основной причиной кризиса является торможение инновационного развития современной цивилизации, которое сделало невозможной неокOLONIALную эксплуатацию Западом остального мира. Показано, что серьезной проблемой Запада является постепенный рост стандартов качества жизни и стоимости рабочей силы. Представлены варианты реакции на этот кризис: военное подавление конкурентов, инновационный рывок, самоизоляция, а также информационное и социальное манипулирование обществом.

Ключевые слова: качество жизни; креативность; инновационное развитие; самоизоляция; информационное манипулирование; стандарты качества жизни

Для цитирования: Зубец А.Н. Выбор для Запада: развилка между инновационным прорывом и информационной диктатурой. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(2):16-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22

ORIGINAL PAPER

The Choice for the West: Bifurcation Between Innovation Breakthrough and Information Dictatorship

A.N. Zubets

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4300-2797>

ABSTRACT

The author showed that the modern Western world is facing an extremely important fork in the road, meaning the choice of a further path and ideology of development and a new system of values and social motivation. It is argued that the leading cause of the crisis is the inhibition of the innovative development of modern civilization, which made impossible the neocolonial exploitation of the rest of the world, using innovative superiority. Also, the author showed that a severe problem of the West is the stimulation of growth of quality of life standards and lowering the cost of labour. The paper presents options for responding to this crisis – military suppression of competitors, innovative breakthrough, self-isolation, and information and social manipulation.

Keywords: quality of life; creativity; innovative development; self-isolation; information manipulation; quality of life standards

For citation: Zubets A.N. The Choice for the West: Bifurcation between innovation breakthrough and information dictatorship. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(2):16-22. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-2-16-22

Когда организаторы зимней Давосской конференции 2021 г. и стоящие за ними крупные финансово-инвестиционные группы приглашают всех к размышлениям относительно будущего мировой политики и экономики, не надо думать, что они лукавят. Для всех совершенно очевидно, что нынешний финансовый кризис является в определенной степени поворотным моментом, после которого мировая экономика приобретет новый формат развития, отличный от того, что был еще несколько лет назад. Последняя серия экономических кризисов, стартовавшая в 2007 г., показала, что мир остро нуждается в новой идеологии, описывающей цели глобального развития, место экономики в этом процессе, а также социальные, экологические и другие ограничения, накладываемые на экономических субъектов. Понятно, что мир уже не будет экономоцентричным, и идея роста потребления без оглядки на последствия осталась в прошлом. Центральное место в идеологии глобального развития теперь занимает цель достижения высокого качества жизни (счастья) для всех, а экономистам и бизнесу пришло время думать о своем месте в новой иерархии ценностей и системе институтов.

Исследования качества жизни людей, а также попытки его численного определения начались в экономически развитых странах во второй половине XX в. после того, как стало ясно, что ВВП и иные количественные измерители потребления товаров и услуг перестали отражать комфортность жизни людей и их удовлетворенность собственной жизнью¹. Еще одной важной вехой на этом пути стало создание так называемой «Комиссии Стиглица — Сен-Фитусси», инициированное президентом Франции Саркози в 2008 г.² [1]. Ее целью была формулировка более всеобъемлющего взгляда на измерение человеческого благополучия, нежели оценка потребления товаров и услуг. Выводы комиссии свелись к рекомендациям перейти от оценки производства товаров и услуг как ключевого экономического параметра к человеческому благополучию или качеству жизни. К выводам комиссии

Стиглица — Сен-Фитусси близки подходы ОЭСР³, которая определяет качество жизни как человеческое благополучие. Еврокомиссия и Евростат (статистическая организация Евросоюза) также определяют качество жизни как широкое понятие, охватывающее ряд различных составляющих жизни человека. Оно включает в себя как объективные факторы, описывающие человеческое существование (например, владение материальными ресурсами, состояние здоровья⁴, продолжительность жизни, скорректированную на время нетрудоспособности⁵, наличие и качество работы, условия жизни и многие другие), так и субъективное восприятие этих факторов и возможностей, которыми располагает индивид⁶. С учетом исследований, проведенных ранее по этой теме в Финансовом университете, кратко качество жизни можно определить как общую оценку комфортности своего существования, сделанную самим человеком, в сочетании с основными количественными показателями (прежде всего — с продолжительностью здоровой жизни)⁷.

Проблема в том, что задача достижения благополучия для всех в глобальном масштабе — далеко не такая простая — может и вовсе оказаться нерешаемой, или ее решение окажется слишком сложным. При этом, наряду с глобальной проблемой будущего развития, есть и не менее важная задача поиска пути развития обобщенного Запада. Ответ на вопрос о рецептах дальнейшего экономического роста может дать социальный взгляд на экономику. Его суть состоит в том, что экономический рост опирается на производственную активность населения, которая, в свою очередь, определяется мотивацией человека [2].

³ Measuring well-being and progress. OECD Statistics and Data Directorate Paris, March 2020. URL: <https://www.oecd.org/sdd/OECD-Better-Life-Initiative.pdf>.

⁴ World health statistics 2019. Monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. P. 82–88. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/324835/9789241565707-eng.pdf?sequence=9&isAllowed=y>.

⁵ Human Capital Development HCD Working Papers. The Disability-Adjusted Life Year (DALY) Definition, Measurement and Potential Use. World Bank, July 1996 HCDWP 68. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/482351468764408897/pdf/multi0page.pdf>.

⁶ Eurostat Statistics Explained. Quality of life indicators — measuring quality of life. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Quality_of_life_indicators_-_measuring_quality_of_life.

⁷ Исследование качества жизни в российских городах. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ; 2014. 275 с.; Исследование качества медицинского обслуживания российского населения в контексте повышения качества жизни. Отчет о НИР. Финансовый университет при Правительстве РФ; 2018. 184 с.

¹ Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf.

² Report by the Stiglitz Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: https://www.researchgate.net/publication/258260767_Report_of_the_Commission_on_the_Measurement_of_Economic_Performance_and_Social_Progress_CMEPSP.

Если посмотреть на экономику с социальной точки зрения, ее наиболее важные, движущие силы — это человеческая креативность и стремление соответствовать передовым, наиболее престижным стандартам качества жизни и потребления (проще говоря — зависть). Креативность позволяет генерировать инновационные решения, повышающие производительность труда. Изобретатели и ученые, наделенные способностями и ресурсами для решения сложных технических задач, создают новые сектора экономики или повышают эффективность существующих отраслей промышленности. Вокруг инновационных производств создаются зоны богатства и процветания — возникают новые стандарты качества жизни, основанные на более высокой производительности труда и привлекающие для остального населения.

Здесь вступает в действие стремление людей к социальному комфорту, для чего требуется соответствовать по качеству жизни своему социальному окружению, не выделяясь из него заметно в худшую сторону. Социальный дискомфорт тем выше, чем значительнее отставание индивида от своего окружения по уровню материального и социального потребления [3]. Этот дискомфорт побуждает человека предпринять какие-то действия для его компенсации, и здесь возникает социальная развилка. Первый вариант повышения качества жизни состоит в том, чтобы присоединиться к успешным социальным группам, получив нужные знание и профессию, например в IT или в современных финансах. Второй путь поправить собственные дела состоит в том, чтобы организовать общественное движение за перераспределение богатств инновационного бизнеса в пользу остального населения. Если инновации тиражируемые (т.е. могут быть применены повсюду, как, например, интернет или электричество), более предпочтительна первая стратегия, так как быстрое развитие новых секторов создает большое число высокооплачиваемых рабочих мест. Если инновации не поддаются тиражированию (к ним относятся, например, открытия новых сырьевых месторождений или финансы), торжествует, как правило, перераспределение благ при помощи налогов или силового изъятия ценностей у держателей новых технологий и производств.

Таким образом, по большому счету, социально-экономическое и политическое развитие определяются двумя параллельными процессами, каждый из которых живет по своим законам: производством инноваций, повышающих производительность труда, и требованиями населения жить не хуже,

чем успешные социальные группы, лидирующие по качеству жизни в стране или на более узкой территории. Инновационное развитие определяется способностью человечества раскрыть и поставить себе на службу новые свойства материи, энергии и информации, требования по качеству жизни — распространением представлений о том, что «нормальная» жизнь невозможна без определенного перечня благ, и люди имеют на них полное естественное право. Рывки в развитии или социально-экономические кризисы проистекают из различия в скоростях этих двух параллельных процессов. Опережение в инновационном развитии создает возможности для быстрого экономического и социального роста, отставание инноваций от распространения стандартов качества жизни вызывает социальные потрясения.

Совершив краткий теоретический экскурс, посмотрим, на какие практические выводы наведет нас эта социально-экономическая модель. И прежде всего рассмотрим более локальную задачу — покажем варианты развития стран обобщенного Запада на ближайшие десятилетия.

На протяжении последних пяти столетий «старый» Запад превосходил мир в части генерации военных и экономических инноваций. Кроваво-литные многовековые войны за ресурсы превратили жителей Европы в первоклассных солдат, что на столетия вперед обеспечило им возможность прямого присвоения ценностей по всему миру. Стремление Великобритании к максимальным заработкам от эксплуатации колоний привело к появлению протекционизма, который сделал востребованными широкий спектр промышленных инноваций и в конечном итоге запустил процесс Великой индустриальной революции. Без британского протекционизма, в условиях свободного рынка она была бы невозможной [4]. Так, например, известно, что в начале XVIII в. Великобритания была вынуждена закупать шведское и российское железо из-за недостатка леса на островах — в то время деревянный уголь служил основным топливом в металлургическом процессе. Желание сэкономить средства, расходуемые на импорт металла, привело к протекционистским мерам и повышению ввозных пошлин, что вызвало рост цен на внутреннем рынке. В этих условиях стали рентабельными технологии производства железа с использованием местного дешевого сырья — каменного угля. Далее процессы выплавки чугуна с использованием каменноугольного кокса, совершенствуясь, становились все более дешевыми

и к середине XVIII в. обогнали по эффективности конкурирующие технологии и стали основой массового производства дешевого железа на Британских островах. А затем, к середине XIX в., британские технологии производства чугуна и стали распространились по всей Европе.

Технологическое превосходство над остальным миром, достигнутое в XIX–XX вв., сделало возможным отказ обобщенного Запада от непосредственной эксплуатации колоний, заменив ее неокOLONИализмом. Монополия на технологии производства престижных благ к середине XX в. обеспечила положение, при котором весь мир старался продать Западу свое сырье и труд в обмен на престижные западные блага. Опережающее инновационное развитие, подкрепленное географической экспансией, создало дополнительное измерение западному экономическому доминированию, а заодно дало возможность западным правительствам повышать уровень жизни граждан, подавлять тем самым социальное недовольство, не снижая прибыльности бизнеса. Идеология роста благополучия, опирающегося на разнообразные инновации, сломала средневековый общественный строй и позволила европейскому капиталу покупать лояльность населения своих стран, что, в свою очередь, обеспечило финансовому и промышленному капиталу статус наиболее влиятельной общественной группы вместо церкви и земельной аристократии Средневековья.

Особенность развития обобщенного Запада за последние два века состояла в том, что скорость генерации инноваций, существенно повышающих производительность труда, как правило, соответствовала или опережала темпы распространения более высоких стандартов качества жизни. Такое положение представляется наилучшим для экономического роста. Максимум прибылей и возможностей для инвестирования бизнес получает, если производительность труда держится на высоком уровне и непрерывно растет, а стандарты потребления среди основных социальных групп повышаются медленнее, чем растет производительность труда. Когда в начале XIX в. в Европе полунищую городскую и сельскую бедноту (готовую работать немного больше, чем за еду) поставили к высокопроизводительным новым машинам, европейский бизнес получил максимальные возможности для развития без уменьшения прибыли. Также, за счет повышения уровня жизни рабочих, снизилась острота социальных конфликтов. Точно такие же обстоятельства — сочетание низкой стоимости

труда и высокой производительности импортных машин — сделали возможным колоссальный рывок в развитии в СССР в 30-х гг. или, например, в Китае в 90-х гг. XX в. Таким образом, для устойчивого развития страны, где главной ценностью является рост благополучия, скорость инновационного повышения производительности труда должна расти не медленнее, чем стандарты качества жизни населения. В противном случае потребности населения, догоняя возможности производства, будут поглощать все большее количество ресурсов, снижая прибыли и возможности для инвестирования в новые разработки. Следствием чего будет стагнация социально-экономического развития.

Проблема в том, что в последние несколько десятилетий западные инновации распространяются по миру быстрее, чем Запад успевает генерировать новые, им на смену. История показывает, что заимствование технологий невозможно остановить, его можно только замедлить. Самые закрытые и охраняемые секреты производства рано или поздно выходят из-под контроля разработчиков. Так это произошло, например, с греческим огнем, придуманным византийцами, или секретами производства ядерного оружия. В то же время генерация новых технологий, способных заменить те, что разошлись по миру (а это является непременным условием сохранения экономического и военного доминирования), в последнее время сильно замедлилась. В связи с этим инновационное «бегство вперед» от конкурентов в сфере производительности труда и эффективности военной силы стало невозможным. Последней серьезной инновацией, которая весьма существенно повлияла на рост производительности труда, стало изобретение компьютера, позволившего автоматизировать генерацию, передачу и обработку информации. Но, при всем уважении к IT-технологиям, они все же меньше повлияли на жизнь людей, чем, например, двигатель внутреннего сгорания, получивший широкое распространение в конце XIX — первой половине XX в. Напомним, что его появление привело к механизации сельского хозяйства, создало воздушный транспорт и кратно удешевило наземные перевозки, что, в свою очередь, коренным образом изменило структуру расселения человека по территориям. Еще хуже с инновациями дело обстоит в энергетике. Современные электростанции по применяемым физическим принципам действия не отличаются от корабельных паровых машин второй половины XIX в. Системы передачи энергии на расстояние находятся сегодня, по большому счету, на том же

уровне, что и во времена Эдисона и Теслы. Вообще энергетика мало изменилась в плане технологий за последние 100 лет, а без повышения энерговооруженности человечества невозможно его ускоренное развитие. И «зеленые» технологии не способны помочь преодолеть это фундаментальное отставание.

Таким образом, мы видим, как из-за торможения инновационной деятельности технологическое преимущество Запада постепенно сходит на нет, в силу чего неокOLONиальная эксплуатация остального мира, основанная на контроле производства современных престижных потребительских товаров и услуг, становится невозможной. Это неизбежно снижает возможности социального управления и подавления внутренних конфликтов в странах Запада за счет роста уровня потребления.

Вторая, параллельная проблема западных стран — это продолжающееся распространение высоких стандартов качества жизни среди местного населения. Этому способствует высокий уровень неравенства в потреблении, что вызывает увеличение социального напряжения за счет роста субъективной бедности. Растет число людей, которые считают себя обездоленными из-за того, что они лишены благ, которые должны им принадлежать «по праву рождения». Снять эту проблему могли бы дополнительные ресурсы, перераспределенные из бизнеса в социальные программы для повышения качества жизни широких социальных групп, но их становится все меньше из-за потери технологического превосходства. То есть глобальный Запад стал проигрывать и скорость в бегстве от стандартов качества жизни местного населения.

Выходом из этой ловушки могло бы стать подавление глобальных конкурентов, прежде всего — Китая. В силу более позднего старта экономического роста, требования населения по уровню жизни в Китае, как и в других развивающихся странах, пока не успели дорасти до уровня «старого» Запада, что и определяет более низкую стоимость рабочей силы. В сочетании с инновационным характером экономики развивающиеся страны получают неоспоримые торгово-экономические преимущества, что и делает их основным источником внутреннего социального конфликта в более развитых государствах с высокими стандартами качества жизни. Однако на «силовом» направлении воздействия на конкурентов время, похоже, упущено: уже сейчас у Китая достаточно традиционного и «гибридного» оружия для нанесения США и их союзникам существенного ущерба. А с учетом поддержки со стороны России, кровно заинтересованной в со-

хранении независимости Китая, нападение на него становится и вовсе невозможным.

Вторая возможность для выхода Запада из нынешнего кризиса — резкое ускорение инновационного развития, повышающего производительность труда или выводящего на рынок новые товары и услуги. Однако здесь также возникают сложности — в последние годы открытие и освоение новых свойств вещества становятся все более дорогими. Еще в начале XX в. фундаментальные открытия часто делались «невооруженным глазом», путем простых наблюдений — так Флеминг открыл пенициллин, обратив внимание на гибель микроорганизмов под воздействием плесени. Однако сегодня это уже невозможно. Исследования окружающего нас мира требуют все более сложных инструментов, таких как Большой адронный коллайдер ценой в 6 млрд долл. США — и это без гарантии получения какого-либо прикладного результата. А ресурсов на инновационные прорывы у Запада становится все меньше. Как уже говорилось выше, инновационное развитие и динамика стандартов потребления живут по различным законам, и торможение прогресса мало влияет на рост потребностей населения. Так что вместо науки скудеющие средства будут идти на поддержку внутреннего социального мира, пока различия в качестве жизни не выравняются и не станут больше вызывать массовое общественное раздражение.

Еще одна возможность преодоления кризиса состоит в том, чтобы признать поражение в конкурентной гонке, выйти из технологического соревнования и построить вокруг США забор для стран с более низкой стоимостью рабочей силы. Однако совершенно очевидно, что в условиях самоизоляции зона хождения доллара в мировых торговых расчетах будет неизбежно сокращаться, что совсем не соответствует интересам американских финансовых элит. Поэтому не исключено, что высота антикитайского протекционистского барьера будет обратно пропорциональна готовности китайского руководства договариваться и учитывать интересы американских и европейских финансовых групп. Более мягкие, партнерские отношения с Китаем, выгодные финансистам, будут по-прежнему оказывать угнетающее воздействие на экономику стран Запада. В силу чего мы в ближайшие годы, вероятно, увидим там нарастание социальной напряженности, вызванное недостатком ресурсов для ликвидации внутреннего неравенства. Проще говоря, ради доходов от транснациональной зоны хождения долларов и евро правящие классы США

и Европы будут склонны жертвовать социальной стабильностью и благополучием собственного населения.

Возможности покупать лояльность населения стран Запада за счет части доходов, полученных за счет технологического превосходства, снижаются. Так что в рамках данного сценария возникает все больше соблазнов перенести реальные производства в страны с более дешевой рабочей силой, потратив определенные средства на доведение ее эффективности до западных стандартов. Финансовый бизнес, чтобы не подвергаться постоянному давлению с целью изъятия ресурсов для человеческих нужд, может выбрать страну с меньшей численностью населения, аппетиты которого проще удовлетворить при помощи части доходов от мировых денежных потоков. Не будем впадать в конспирологию, но вполне вероятно, что «Ноевым ковчегом» для спасения мировых финансовых элит от социальных потрясений Нового и Старого света станет Великобритания. В этом случае Brexit из катастрофической ошибки британского правящего класса превращается в блестящее стратегическое решение, обеспечивающее ему долгосрочное процветание.

Что касается США и стран «старой» Европы, то их главной проблемой, как было показано выше, является превышение стандартов качества жизни над способностью генерировать новую стоимость в условиях глобальной конкуренции. Инновационный прорыв, способный сохранить технологическое превосходство над остальным миром, маловероятен, война — опасна, протекционизм не позволяет зарабатывать на мировых финансовых потоках. Решение проблемы состоит в понижении стандарта качества жизни населения и сохранении при этом управляемости обществом. Необходимы инструменты силового и информационного подавления большинства, которое будет отстаивать свои права на более высокое качество жизни. Тут в качестве ударной силы, направленной против возможных массовых протестов, могут выступить иммигрантские общины, многие члены которых получают социальную помощь и поэтому зависимы от государства. Опять же, не хочется впадать в конспирологию, но, может быть, открытие восточных ворот для мигрантов в Европу и желание Байдена дать гражданство нелегалам в США — это шаги по созданию таких опор для негосударственного, псевдонезависимого давления на большинство? При этом, очевидно, увеличение численности мигрантских общин имеет и более непосредственные

цели: смещение демографического баланса в сторону групп, не связанных с местными традициями и национальной системой ценностей, а также (если получится) — снижение национальных стандартов качества жизни и стоимости рабочей силы.

Ну и нельзя обойтись без пропагандистских инструментов для контроля над обществом и поддержания стабильности. Сюда входит «железный занавес», отгораживающий общество от нежелательной информации. Несогласные будут подвергаться травле и маргинализации. Широкое применение получают такие способы несилового принуждения, как стыд, чувство вины, необходимость следовать массовым стереотипам, чтобы выжить, — словом, все те инструменты, которые хорошо нам знакомы из классических антиутопий, а также из германской и советской практики 30–50-х гг., и которые сейчас вполне успешно используются в США для борьбы с трампистами. Наряду с этим вероятны меры по снижению численности населения в странах «старого» Запада. Это может быть сокращение расходов на медицину и легализация наркотиков, например. И опять же, не впадая в конспирологию, можно ли предположить, что усиленное распространение нетрадиционных взглядов на семью служит той самой цели — снижению численности излишнего, непроизводительного населения?

В итоге мы можем получить небогатое и несвободное общество, разделенное на немногочисленную интеллектуальную элиту и плебс, занятый неквалифицированным трудом или живущий на подачки, общество, полное идеологических ограничений и запретов, управляемое с участием негосударственных силовых группировок. В определенной степени мы видим модель такого общества в современной Украине: там присутствует государственная идеология войны и внешней угрозы, вытесняющая на периферию проблемы социально-экономического развития, информационный «железный занавес», разнообразная цензура, преследования СМИ и банды крайне правых боевиков, подпирющие этот режим. И так будет продолжаться до тех пор, пока стандарты качества жизни не опустятся там до уровня, соответствующего производительности труда основной массы граждан.

Как было показано выше, альтернативой реформативному западному обществу под новые, более низкие стандарты качества жизни, является резкий инновационный рывок с существенным повышением производительности труда. Но он становится все менее вероятным по мере того, как ресурсы западных стран перераспределяются

в пользу потребления для снижения интенсивности социальных конфликтов.

Что касается более общей, глобальной задачи повышения качества жизни для всех, то здесь все намного проще. Для развивающихся стран, включая Россию, с одной стороны, характерны более низкие стандарты качества жизни, и, как следствие, более низкая стоимость рабочей силы. С другой стороны, имеется заметное технологическое отставание от наиболее инновационных западных стран. Заимствование технологий, перенос на родную почву лучших практик в части образования и подготовки кадров, развитие креативности в людях — все это позволит обеспечить на десятилетия вперед рост эффективности рабочей силы, и западный капитал будет готов этот процесс финансировать. За счет догоняющего инновационного роста у развивающихся государств есть шансы добиться опережающего

роста производительности труда по отношению к потребностям и стандартам потребления. В силу этого и в России, и в других странах с похожим уровнем развития повышение качества жизни и уровня потребления надолго еще останутся в фокусе идеологии развития. Дополнительную поддержку России окажет высокая производительность труда в сырьевых отраслях, связанных с эксплуатацией российских природных ресурсов, — от рыболовства и производства зерна до нефтегазового комплекса. Вообще, в России мало внимания уделяется тому, что добыча и глубокая переработка сырья для дальнейшего экспорта представляет собой один из основных ресурсов экономического развития. Так что наша относительная бедность и догоняющее развитие позволят нам сохранить свое место в зоне «модерна» и на много лет вперед защитят нас от необходимости вводить информационную диктатуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд. Института Гайдара; 2016.
2. Зубец А.Н. Истоки и история экономического роста. М.: Экономика; 2014. 463 с.
3. Зубец А.Н. Знаковые блага и экономический рост. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;4(20):28–36.
4. Ха-Джун Чанг. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер»; 2018. 256 с.

REFERENCES

1. Stiglitz Joseph, Sen A., Fitoussi J.-P. Incorrectly assessing our lives: why GDP is not washed away? Moscow: Gaidar Institute; 2016. (In Russ.).
2. Zubets A.N. Sources and history of economic growth. Moscow: Ekonomika; 2014. 463 p. (In Russ.).
3. Zubets A.N. Sign benefits and economic growth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;20(4):28–36. (In Russ.).
4. Ha-Joon Chang. The Evil Samaritans. The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism. Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber; 2018. 256 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Николаевич Зубец — доктор экономических наук, доцент, директор Центра социально-экономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия
ANZubets@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexei N. Zubets — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Financial University, Chairman of the Center for Socio-Economic Research Moscow, Russia
ANZubets@fa.ru

Статья поступила 12.01.2021; принята к публикации 01.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 12.01.2021; accepted for publication on 01.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.